

ракъ „провала“ такъ былъ страшенъ и непріятенъ, что вѣсь Симова оказался значительно больше требуемыхъ имъ денегъ,—и я былъ отданъ въ пансіонъ „съ курсомъ реальныхъ училищъ.“

Чѣмъ ближе подходило время экзамена, чѣмъ больше велось о немъ разговоровъ дома, тѣмъ дѣйствительно страшнѣй становилось на душѣ отъ чего-то надвигающагося, давящаго, почти что уничтожающаго. Наконецъ, наступило время, когда экзаменомъ насъ стали просто „пугать“, какъ пугаютъ дѣтей трубочистомъ или чѣмъ то таинственнымъ, что сидитъ въ печной трубѣ...

— Подожди, вотъ на экзаменѣ провалишься, тогда будешь знать...—не разъ говорили мнѣ въ этомъ году, когда я былъ уличаемъ въ какой либо дѣтской шалости.

Что именно я буду тогда „знать“, что случится тогда со мною и какъ я буду послѣ этого момента жить на свѣтѣ,—я совершенно не могъ себѣ представить, также какъ никогда не зналъ, чѣмъ именно страшно то, что сидитъ въ трубѣ и воетъ. И хотя я не давалъ себѣ отчета въ этомъ страхѣ, но очень хорошо зналъ, что если то „страшное“, сидящее въ трубѣ, выйдетъ, посмотреть,—а меня ужъ больше нѣтъ; такъ точно думалось мнѣ и объ экзаменѣ: провалюсь—значить нельзя жить, а, вѣроятно, такъ куда либо исчезну; куда и какъ, объ этомъ я не думалъ...

До меня давно доходили слухи о строгихъ „батькахъ“, придирѣ „французѣ“, о маленькомъ „сусликѣ“,—преподавателѣ математики, который въ „проваливаніи“ на экзаменѣ видѣлъ особый родъ наслажденія;—вообще мы знали уже, черезъ своихъ братьевъ и знакомыхъ, почти про всѣхъ преподавателей, которые вскорѣ пойдутъ на насъ войной.

Чѣмъ ближе къ августу, тѣмъ больше и больше перемѣшивались въ воображеніи всѣ эти русскія и иностранныя лица, принимая какой-то неопредѣленный, чудовищный видъ апокалипсическаго звѣря, жетокаго и неумолимаго...

И.
Бонч-Бруевичъ, В. Д.
ВЪ ЗАКРЫТОМЪ УЧЕБНОМЪ ЗАВЕДЕНІИ

(1883-1889 г.г.)

(Воспоминанія о Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ.)

I

Вступительный экзаменъ.

Еще за долго до наступленія осени 1883 года, однимъ изъ главныхъ предметовъ разговора въ нашей семьѣ былъ мой предстоящій „конкурентный экзаменъ“ въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ.

Родные напряженно слѣдили за моими успѣхами въ наукахъ въ подготовительномъ пансіонѣ В. С. Симова,—одного изъ старшихъ воспитателей того же Института.

Поступить въ этотъ пансіонъ было для насъ важнымъ расчетомъ, такъ какъ все-таки приобрѣтался лишній шансъ, что если не знанія, то хоть протекція „начальника возраста“ обезпечитъ выигрышъ, и мы попадемъ въ это „святая святыхъ“ Межевого Вѣдомства. Правда, Симовъ бралъ за „подготовку“ довольно дорого; правда, на примѣръ, мои родители долго колебались, отдать ли меня туда, или „приготовить своими средствами“;—но призракъ „конкурса“, приз-

Ученіе въ это послѣднее не „казенное“ мое лѣто, постепенно переходило въ сплошную линію безпре- станнаго зубренія всякихъ „предметовъ“. Даже во- снѣ начинали мнѣ сниться всѣ эти задачи, яти, исключенія, французскія и нѣмецкія слова, молитвы, признаки дѣлимости чиселъ и вся прочая премудрость, которую вскорѣ я долженъ былъ выложить тамъ, въ- этомъ огромномъ зеленомъ зданіи, людямъ мнѣ не- извѣстнымъ, которыхъ я искренне уже ненавидѣлъ, какъ самую главную причину моего несчастнаго предъ- экзаменаціоннаго существованія.

Вотъ, наконецъ, наступило роковое 23 августа 1883- года, и я, вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ, послѣ напут- ствій, крещеній и поцѣлуетъ матери,—отправился на Старую Басманную въ Константиновскій Межевой Ин- ститутъ.

Огромная мрачная зала, въ которую мы вошли, уставленная скамьями и столами, гулко отдавала говоръ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, толпившихся ближе къ выходу. Отъ стѣнъ, выкрашенныхъ въ казенные цвѣта, тянуло холодомъ и сыростью. Это была общая столовая Межевого Института.

Въ залѣ стали появляться воспитанники Институ- та, пріѣхавшіе изъ лагерей на переэкзаменовки. Они сразу внесли оживленіе, свободный, звенящій говоръ, раскатистый смѣхъ, выкрикиваніе фамилій,—вообще полную непринужденность хозяевъ.

Смотря на нихъ, на всю ихъ форму,—на эти ку- шаки съ мѣдными бляхами, на эти брюки на выпускъ, на ихъ товарищество, слушающая ихъ шутки и остро- ты, которыя долетали и до насъ,—становилось очень за- видно и такъ хотѣлось скорѣй бы попасть туда къ нимъ, въ этотъ неизвѣстный, заманчивый міръ, въ тѣ этажи, которые были надъ нами и про которые мы уже такъ много слышали необыкновеннаго, привле- кательнаго, почти легендарнаго...

Но тутъ вспоминались экзамены,—всѣ эти францу- зы, батюшки, нѣмцы,—вспоминались недоученные уро- ки,—и страхъ, и злоба, и ненависть закипали вновь.

Мы начинали ненавидѣть не только нашихъ экзаме- наторовъ, но и другъ друга, видя одинъ въ другомъ конкурента на мѣсто въ Институтѣ.

Мы отлично знали, что вакансій въ Институтѣ только пятьдесятъ, а поступающихъ болѣе ста;— стало быть болѣе чѣмъ половина не будетъ принята ни въ какомъ случаѣ.

Помню, какъ ходили мы, „симовцы“, толпой и какъ, отчеканивая другъ передъ другомъ то слова на букву ять: бѣгъ, бѣда, бѣлый, бѣсъ, вѣдать, вѣкъ, вѣнокъ, вѣра, вѣст, то заповѣди Моисея и блажен- ства, перебивали другъ друга восклицаніями, что вотъ и еще одинъ „приперся“ на экзамень.

— Провалится,—замѣчаетъ ктонибудь изъ насъ.

— Провалится,—подтверждали мы.

— Провалишься,—иногда говорилъ кто либо изъ насъ мимо идущему новичку.

— Черти,—получали мы въ отвѣтъ,—сами про- ввалитесь!

— Молчи, сволочь!—и мы готовы были избить этого новичка, можетъ быть будущаго нашего това- рища, избить за то, что онъ попалъ какъ разъ въ самое чувствительное, въ самое большое мѣсто.

Мы шли дальше и приговаривали къ „провалу“ всѣхъ, до тѣхъ поръ, пока не насчитывали столько, сколько было нужно... Это насъ успокаивало.

Принципъ конкуренціи, приложенный и здѣсь, уже касался и нашихъ дѣтскихъ душъ, растлѣвая насъ и заставляя смотрѣть на другихъ дѣтей, какъ на своихъ враговъ, пытающихся отнять у насъ облюбованное мѣсто.

Вотъ первое чувство, которое охватило и меня въ этомъ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Время шло и приближался роковой часъ. Мы, уже перезнакомившіеся, спѣшили уговориться такъ сѣсть на диктантъ, чтобы удалось какъ можно лучше спи- сать его тѣмъ изъ нашей компаніи, кто былъ слабъ въ правописаніи.

Стрѣлка часовъ показала девять. Раздался зво- жизнь.

нокъ, отъ котораго мурашки забѣгали по спинѣ. Всѣ встрепенулись. Даже наши родители и родственники поднялись съ своихъ мѣстъ. Нѣкоторые крестили дѣтей, ободряли ихъ. Помню, нѣсколько мальчиковъ плакали и прижимались къ своимъ матерямъ. Блѣдныя лица ихъ выражали неописуемый испугъ.

Всѣ смолкли. Настала торжественная минута. Ею нарушилъ помощникъ инспектора, который торопливо вбѣжалъ со списками въ рукахъ и сталъ дѣлать перекличку. Робко отвѣчали мы на наши фамилии. Нѣкоторые не откликнулись совсѣмъ. Помощникъ инспектора вызывалъ ихъ нѣсколько разъ, и, удостоверившись что они не явились, ставилъ въ списокъ какую то пометку. Провѣривъ всѣхъ, онъ озабоченно, быстрыми шагами, ушелъ изъ столовой наверхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вбѣжали воспитанники-переэкзаменовщики, и, кто цыкая, кто крича: „идуть!“ — разсыпались по разнымъ мѣстамъ. Мы всѣ смолкли. Отцы наши, по большей части межевые чиновники, приосанились, подбодрились и стали въ привычныя, почтительныя позы.

Послышались голоса, шумъ шаговъ, изъ котораго явственно выдѣлялось позвякиваніе шпоръ.... Въ дверяхъ показались директоръ, инспекторъ, двое батюшекъ, помощникъ инспектора, воспитатели и преподаватели, всего человѣкъ двадцать пять.

Вся эта блестящая группа медленно подвигалась впередъ, къ образу. Нечего и говорить, что мы всѣ стояли вытянувшись въ струнку, старательно кланялись, не смѣя пошевелить ни рукой, ни ногой. Родители и родственники наши тоже раскланивались. „Начальство“ покрупнѣй милостиво кивало головой. Начальство помельче здоровалось кое съ кѣмъ изъ нашихъ родныхъ, при чемъ тѣ выразительно поглядывали на нихъ: „не выдай, молъ, братъ — вывози!“

Начальство подошло близко къ образу, передъ которымъ стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Мы всѣ продвинулись туда-же. Переэкзаменовщики стояли отдѣльной группой.

Помощникъ инспектора отдалъ приказаніе „прочитать молитву“.

Изъ рядовъ переэкзаменовщиковъ выдѣлился бойкій мальчуганъ лѣтъ тринадцати и звонкимъ голоскомъ, отчеканивая каждое слово, быстро прочелъ молитву передъ ученіемъ.

Мы искренне молились. Батюшки крестились съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, придерживая широкіе рукава своихъ рясъ. Изъ начальства кое-кто, что называется, „почистилъ пуговицы“.

Молитва кончилась.

— Господа, сейчасъ будетъ диктантъ!.. Прошу садиться....

Мы шарахнулись въ сторону, къ столамъ.

— Нѣтъ, не туда, вотъ за эти столы.... — крикливо проговорилъ помощникъ инспектора.

Торопливо занимая мѣста, мы старались сѣсть въ той группировкѣ, которую составили себѣ заранее.

Намъ роздали листы, разлинованные въ двѣ линейки, дали по ручкѣ и перу. По серединѣ стола поставили рядъ чернильницъ.

Появился маленькій, толстенькій, бритый человѣчекъ лѣтъ сорока пяти, въ форменномъ вицъ-мундирѣ и въ очкахъ. Это былъ Василій Никитычъ Веселовъ.

Онъ волновался. Довольно высокимъ теноромъ, немного нараспѣвъ, Василій Никитычъ громко сказалъ:

— Писать старательно, каллиграфически, не торопясь.... три строчки, а потомъ скорописью... Приготовьтесь!..

Мы наострили уши, обмакнули перья, усѣлись. Василій Никитычъ прошелся вокругъ столовъ, осматривая сидящихъ. Одному онъ поправилъ пальцы, которыми тотъ держалъ ручку, другому положилъ какъ слѣдуетъ бумагу, третьему замѣтилъ чуть слышно: — не прижимайтесь грудью къ столу, это нехорошо, вредно.... Четвертому лучше вдѣлъ или, сначала посмотря на свѣтъ, перемѣнилъ перо. Осмотрѣвъ, такимъ образомъ, все и всѣхъ, онъ сталъ между двухъ столовъ и нервно выкрикнулъ:

духъ; что то давило и пригибало такъ сильно, такъ больно, что даже жуть какая то охватывала душу.

Я чувствовалъ, что совершенно теряюсь, исчезаю и невольно подчиняюсь этой обстановкѣ, которая, всасывая меня въ себя, готова была ежеминутно поглотить совершенно. Мнѣ казалось, что я попалъ въ такое мѣсто, гдѣ надо всего опасаться, гдѣ надо ждать всякихъ случайностей и неожиданностей, а главное, гдѣ со мной кто то и почему то могъ дѣлать все, что только хотѣлъ, и вмѣсто радости, какъ думалось раньше, я испытывалъ одно чувство: мнѣ страшно хотѣлось домой.

Это была власть толпы, достаточно сплоченной и организованной, члены которой прекрасно были во всемъ ориентированы,—власть толпы надъ новичкомъ, неожиданно перенесеннымъ изъ тихаго семейнаго угла, гдѣ авторитетъ отца и матери замѣняли законъ и пророковъ, въ шумную массу, съ твердо установленными обычаями, нравами и традиціями.

Я ничего еще не зналъ изъ жизни той среды, которая должна была впоследствии совершенно переработать меня, но чувствовалъ всѣмъ своимъ маленькимъ существомъ, что она, эта масса, владѣетъ мной, давить и раздавить, если захочетъ этого. Я чувствовалъ, что она еще только приглядывается ко мнѣ, узнаетъ, что я за птица, опредѣляетъ свое отношеніе ко мнѣ, и я инстинктивно боялся ее, этой массы, какъ чего то враждебнаго мнѣ.

Въ одиннадцать часовъ долженъ былъ быть молебень. Шумъ въ залѣ, словно разгораясь, все увеличивался. Бродя около стѣнъ и сидя въ углахъ, гдѣ было поменьше народа, я замѣтилъ многихъ новичковъ, печально забившихся куда нибудь за шкапъ; нѣкоторые плакали. Я послѣ узналъ, что многіе изъ моихъ товарищей пріѣхали изъ дальнихъ мѣстъ. Поступивъ въ Институтъ, они обречены, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ, не видать своихъ близкихъ, друзей и знакомыхъ.

Рекреационная зала младшаго возраста,*) въ которой я находился, была огромна. Восемь четырехугольныхъ очень большихъ колонъ поддерживали ея потолокъ.

Передъ молебномъ насъ построили въ этой же залѣ попарно и аранжирно и по командѣ воспитателя „на пра-во!“—мы повернулись и пошли въ церковь.

Молебень, за нимъ разводка по классамъ, выдача книгъ и письменныхъ принадлежностей, завтракъ, гулянье въ саду, обѣдъ, — все это какъ то незамѣтно, точно въ туманѣ, промелькнуло передо мной въ этотъ первый день; за то первый вечеръ твердо врѣзался въ мою память.

III.

Первый вечеръ.

Въ восемь часовъ вечера раздался звонокъ, и мы всѣ повалили изъ классовъ въ залу. Первый, второй и третій классы сейчасъ же заперли; четвертый младшій **) оставался открытымъ до девяти часовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ поднялся такой шумъ и крикъ, передъ которымъ всѣ дневныя происшествія совершенно померкли.

Всѣ эти двѣсти душъ жили сейчасъ такъ, какъ онѣ этого хотѣли. Начальство, собравшись изъ двухъ возрастовъ въ учительской, весело разговаривая, распивало чай.

Въ залѣ и корридорахъ собрались группы дѣтей и великовозрастныхъ.

Мы, новички, поддаваясь общему настроенію, тоже начинали храбриться, немного какъ бы осваиваться

*) Институтъ, въ мое время, дѣлился на младшій и старшій возрасты и инженерное отдѣленіе.

**) Четвертыхъ классовъ у насъ было два: младшій и старшій. Младшій помѣщался въ младшемъ возрастѣ, а старшій — въ старшемъ возрастѣ. Эти оба „возраста“ находились въ разныхъ этажахъ зданія.

съ обстановкой и, слѣдя примѣру „старичковъ,“ — торопливо бросились къ шкапамъ, гдѣ хранились наши сундучки. Почти каждый изъ насъ привезъ съ собой что либо изъ дому. Наши родные знали, что несладко намъ придется въ Институтѣ и надѣлили насъ различными лакомствами, чтобы хоть ими мы могли подсластить тѣ горькія минуты, которыя выпадутъ намъ на долю.

Открывая свой „сундучекъ“, каждый изъ насъ чувствовалъ нѣкоторое удовлетвореніе. Но и этому чувству скорѣ для многихъ пришелъ конецъ.

Мы не обратили вниманія на то, что возлѣ насъ толпились „старички.“ Съ увѣренностью можно сказать, что огромное большинство изъ насъ даже и заподозрить не могло, что на насъ готовится мародерскій набѣгъ, что мы уже приговорены къ полному разграбленію. И дѣйствительно, не успѣли мы открыть свои сундучки, не успѣли даже вынуть то, что въ нихъ находилось, какъ на насъ съзади, уже набросились институтскіе воспитанники. Кого повалили, кого держали за руки, кому зажмурили глаза, а въ это время другіе уже справлялись съ нашимъ завѣтнымъ добромъ, выгребая все, что только возможно было взять. Еще минута — и мы, получивъ хорошихъ подзатыльниковъ и колотушекъ, уже валялись около своихъ разграбленныхъ сундучковъ, полные недоумѣнія, безсильной злобы и отчаянія.

Что тутъ дѣлать? Итти жаловаться, — кому и куда? все равно бесполезно, — мы это прекрасно сознавали; къ тому же, за жалобу еще вздуютъ, — другого результата не добьешься.

Многіе изъ насъ горько плакали. И мы все поспѣшно запирали свои сундучки, спасая хоть то небольшое, что еще осталось въ нихъ.

Грустные и опечаленные расходились мы по залѣ, ища пріюта и нигдѣ не находя его.

Бывало идешь и ничего не подозреваешь. Вдругъ изъ корридора, съ стремительной быстротой, несутся человекъ десять-пятнадцать; ловкимъ движеніемъ ноги

— (такъ называемая „подножка“) — они сшибаютъ всѣхъ попавшихся и, съ гикомъ и хохотомъ, скрываются въ толпѣ. Разрушеніе произведено полное; человекъ двадцать-тридцать валяются на полу. Многіе плачутъ. Падая, кто ударился головой о колонку, кто расшибъ себѣ носъ, кто губу, другой, со всѣхъ ногъ, хватился затылкомъ объ полъ... Зброшенные всѣми, прихрамывая, охая и плача, поднимаются несчастные мальчики и рѣшаютъ лучше сидѣть, чѣмъ подвергаться опасности такихъ набѣговъ. Но и тутъ ихъ не оставляютъ въ покоѣ...

Вотъ идутъ нѣсколько „верзилъ“ съ тупоумнымъ выраженіемъ лица. Они рѣшили дать всѣмъ „новичкамъ“ по три „каленки.“

„Каленка“ — это довольно жестокая вещь. Особеннымъ способомъ заложенный палецъ за палецъ, стремительно и чрезвычайно больно, въ видѣ щелчка, сваливается на вашу голову.

Эти отупѣвшіе отъ институтской скуки велико-возрастные „давальщики“, идутъ, флегматично останавливаются передъ каждымъ „новичкомъ“ и старательно отсчитываютъ то число „каленокъ“, которое они заранѣе предрѣшили дать. Отъ трехъ „каленокъ“, данныхъ въ одно мѣсто, иногда образуется шишка или синячекъ; что же сдѣлается съ бѣдной, стриженной подъ гребенку, головой мальчика, если ему подрядъ дадутъ десять-пятнадцать штукъ? Бѣжать бесполезно. Тѣ, кто кричатъ или говорятъ, что пожалуются, получаютъ сейчасъ же двойную или тройную порцію. Впрочемъ, такихъ иногда просто бьютъ.

Пройдутъ „каленки“, не успѣешь оглянуться, какъ попадаешь въ лапы дающихъ „апельсины“ и „лимоны.“

Куда ни ткнешься, нигдѣ не гарантированъ, что не налетишь на что либо новое.

Помню, какъ ко мнѣ подошелъ одинъ неизвѣстный мнѣ воспитанникъ и такъ ласково говоритъ:

— Ты поешь?...

— Нѣтъ...

— Вотъ пустяки... Хочешь, я тебя научу?

— У меня слуха нѣтъ; я глухой на правое ухо...

— Это ничего не значить... Дай-ка руку, смотри, какъ запоешь...

Я довѣрчиво, не подозрѣвая никакой каверзы, протянулъ руку.

Тотъ взявъ, прижалъ конечные суставы пальцевъ къ первымъ и потомъ, что есть силы, сталъ надавливать по очереди на каждый палецъ, разыгрывая на нихъ, какъ на гармоникѣ.

Слезы брызнули у меня изъ глазъ отъ нестерпимой, щемящей, жестокой боли...

Я просилъ, умолялъ его оставить меня, хотѣлъ защищаться другой рукой, но не могъ: ее уже держали...

Насъ обступила толпа любопытныхъ... Мой мучитель все давилъ и давилъ. У меня кружилась голова и стучало въ вискахъ. Я слышалъ кругомъ: „пой! пой!...“

Въ эту минуту кто то протолкался черезъ толпу и схватилъ мою другую руку.

— А, па-адлецъ, ты еще не слушать! Пой! сейчасъ пой!... У, стерва...—кричалъ онъ озлобленно, отрывисто, съ ненавистью поглядывая на меня, точно я и въ самомъ дѣлѣ былъ кругомъ виноватъ передъ ними.

— Пой!...—и онъ такъ ужасно нажалъ пальцы моей руки, что я, —отлично помню, —въ буквальномъ смыслѣ слова, сталъ извиваться по полу. Толпа кричала: „пой!... пой сейчасъ!...“—и кое кто сталъ уже для вразумленія подталкивать меня кулаками подъ бока.

Не знаю, почему я раньше не кричалъ, но теперь я не запѣлъ, а такъ заоралъ, что меня немедленно бросили, а на горизонтѣ залы, въ аркѣ учительской, показался воспитатель, который сердито крикнулъ:

— Что за крикъ!...—и... скрылся...

Я долгое время почти не могъ разогнуть пальцевъ

отъ боли; какъ они остались цѣлы и невредимы, я и до сихъ поръ удивляюсь...

Вообще, надо сказать, жестокость, какое то озлобленіе противъ новенькихъ, слабыхъ, больныхъ, — было господствующимъ настроеніемъ у многихъ воспитанниковъ младшаго возраста, въ особенности, среди засидѣвшихся, великовозрастныхъ второгодниковъ и воспитанниковъ, совершенно оторванныхъ отъ семьи, проводящихъ цѣлые годы среди безпріютной казенной обстановки.

Подростки, замуштрованные и одуренные уроками, строями и командами, требовали не только хлѣба, но, какъ и всегда, —зрѣлицъ и развлеченій.

Накопившіяся силы требовали выхода, а, такъ какъ выхода не было, —казенщина все сколько нибудь разумное, тщательно закупоривала, —то инстинкты прорывались внутри стѣнъ института; страсти разыгрывались, и преслѣдованіе, почти охота за новичками и слабосильными, превращалась въ необходимую потребность, вырабатывалась въ цѣлую правильно обдуманную систему, доводившую многихъ изъ насъ до полного отчаянія.

Не могу забыть и не описать слѣдующей картины изъ такого же перваго, только не вечера, а дня, происшедшей на другой годъ моей институтской жизни.

Въ первый классъ поступилъ братъ моего товарища Ч. Онъ былъ слабый, тщедушный, крайне нервный, впечатлительный и раздражительный мальчикъ. Его взерошенные волосы придавали остренькому личику въ веснушкахъ видъ задорнаго пѣтушенка. Онъ страшно тосковалъ въ первый день по матеря; мы ничего не могли съ нимъ подѣлать. Онъ уходилъ въ корридоръ, гдѣ помѣщался цейхаузъ, садился на корточки за одну изъ выступавшихъ изъ стѣнъ колонокъ и горько, горько, то навзрыдъ, то тихо, плакалъ.

Его никто сначала не замѣчалъ. Въ концѣ концовъ его замѣтили любители травли новичковъ; тихонько подкрались они большой компаніей, и окружили. Кто-то дернулъ его за ноги и онъ упалъ, сильно

ударившись головой объ стѣну. Все захохотали. Онъ вскочилъ.

— Что надо вамъ отъ меня?... Подлецы!... — прокричалъ Ч. неистовымъ голосомъ.

Глаза его грозно сверкнули, кулаки сжались... Онъ направился къ залѣ. Въ самомъ выходѣ изъ корридора его остановили, окружили густымъ кольцомъ и стали поддразнивать: кто ущипнетъ, кто дернетъ, кто дастъ „каленку“, кто устроитъ „смазь“, кто наградитъ „лимономъ“... Все хотело. Одни кричали „плакса“, другіе „маменькинъ сынокъ“, а третьи просто усыкали и улюлюкали....

— Братцы, загнемъ ему „салазки“, — живо повеселѣеть... — предложилъ одинъ изъ спортсменовъ.

— Давай, ребята, давай!... — послышалось со всѣхъ сторонъ.

Къ нему подступили.

— Не трогайте меня!.. — кричалъ Ч., размахивая во всѣ стороны ногами и руками.

— А, ты драться!... — и на него набросились и стали бить.

Раздался отчаянный крикъ. Кое-кто выскочилъ изъ старшихъ классовъ, прибѣжалъ братъ Ч. и имъ кое-какъ удалось увести его изъ разсвирѣпѣвшей дѣтской толпы. Съ Ч. сдѣлалось что-то въ родѣ нервнаго припадка, онъ страшно плакалъ, прижавшись къ брату и все твердилъ: „Боря, уйдемъ отсюда...“

Интереснѣй всего то, что воспитатели, изловчавшіе свое „недремлющее око“ въ подглядываніи *) по ватеръ-клозетамъ, обыкновенно, за самыми рѣдкими исключеніями, не замѣчали такихъ сценъ....

Бѣдному Ч. долго плохо жилось, пока онъ не привыкъ къ обстановкѣ.

*) Умывальная, комната для чистки сапогъ и ватеръ-клозетъ имѣли въ своихъ стѣнахъ по два полицейскихъ «глаза» — (какъ у камеръ въ тюрьмѣ) — въ которые и подглядывали воспитатели.

..... Чѣмъ ближе къ девяти часамъ вечера, тѣмъ зала становилась оживленнѣй. По всѣмъ направленіямъ носились мальчишки, лова другъ друга, догоняя, „саяя“ и пр. Другіе группами ходили и вели оживленные разговоры. Въ корридорѣ около четвертаго младшаго класса слышалось пѣніе.

Въ одномъ изъ угловъ залы сидѣли человекъ пять весьма великовозрастныхъ воспитанниковъ — (нѣсколькихъ помню изъ 4 младшаго класса). Они были окружены новичками. Каждого, случайно проходившаго мимо нихъ новичка, они также подзывали къ себѣ.

— Какъ твоя фамилія?... — обратился нѣсколько картавымъ голосомъ курчавый, плотный, здоровенный воспитанникъ Ю. къ проходившему мальчику.

— Такой-то.

— Поди-ка сюда, сынъ мой...

Тотъ подошелъ.

— У тебя отецъ, мать, сестры есть?...

— Есть...

— А что у нихъ есть, ты знаешь?... — спросилъ Ю., подчеркивая каждое слово.

Мальчикъ растерялся, видимо не понимая вопроса. Компания гоготала. Окружившіе ихъ дѣти, уже обученные, тоже смѣялись....

— Онъ не понимаетъ; онъ ничего не знаетъ... — несло со всѣхъ сторонъ.

— И этого надо обучить... — вздыхая и улыбаясь замѣтилъ Ю.

— Ты въ баню ходилъ?...

— Ходилъ...

— Съ кѣмъ: съ отцомъ или съ матерью?...

— Съ отцомъ...

— Видѣлъ?...

— Что?...

— Ха, ха, ха!... — раскатисто смѣялись обступившіе „мальцы“.

— Ты, братъ, совсѣмъ глупъ, — сердито, хмуря брови, отрѣзалъ Ю.

И верзила Ю. — точно дѣлая необходимо нужное

дѣло, какъ бы исполняя свои священныя обязанности, назидательно „просвѣщаль“ растерявагося мальчика.

Онъ подробно рассказывалъ ему, какъ называются различныя части тѣла мужчины и женщины, называя все самыми скабресными именами. Потомъ перешелъ къ описанію дѣвушки....

— Вотъ твоя сестра... Я предполагаю, что она... — слѣдовали сальныя замѣчанія на ея счетъ.

— Ну, такъ чѣмъ же отличается женщина отъ дѣвушки?...

Ребенокъ молчалъ и чуть не плакалъ. Онъ чувствовалъ инстинктивно, что ему говорить что то нехорошее, изъ котораго онъ хотя почти ничего не понималъ, но которое оскорбляло его: толпа хохотала надъ его отцомъ, матерью, сестрами...

Слѣдовало самое циничное объясненіе и этого „отличія“...

— А откуда дѣти рождаются?... Ты, можетъ быть, думаешь, что ихъ съ неба приносятъ?... нѣтъ, братъ, врешь...

Слѣдовало объясненіе.

— Понялъ теперь? уразумѣлъ?.. изволь-ка отвѣчать на мои вопросы.

— Что есть... (слѣдовали вульгарныя названія мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ, полового акта и пр.)

— Ну а что значитъ забеременѣть?...

— Какіе признаки беременности?...

— Что значитъ жениться?...

— Что значитъ выйти замужъ?...

Мальчикъ молчалъ, краснѣлъ, но потомъ, понукаемый окружающими, отвѣчалъ, путаясь въ отвѣтахъ, чѣмъ и вызывалъ оглушительный ревъ хохота.

— Ну, довольно... завтра опять повторишь... А теперь иди къ нему...

Мальчика толкнули къ тутъ же сидящему Г. Г. былъ специалистъ по самымъ отвратительнымъ, ужаснымъ, „трехэтажнымъ“ ругательствамъ.

Онъ сталъ выпаливать одно за другимъ всевоз-

можныя самыя площадныя ругательства и въ „одобрительномъ“, и въ „поощрительномъ“, и въ „назидательномъ“ смыслѣ, измѣняя голосъ соответственно случаю.

Толпа умирала со смѣху и повторяла, какъ бы заучивая, ругательства Г.

Мальчикъ слушалъ; его заставили повторить и этотъ „курсъ обученія“...

Въ это время подошелъ новичекъ П

— Иди-ка сюда, малецъ!...

— Ты грамотенъ?...

— Грамотенъ... — смѣло отвѣчалъ мальчикъ, плутовато улыбаясь.

Что есть... и т. д.

Мальчикъ бойко отвѣчалъ.

Вотъ это молодецъ!.. Люблю... Не маменькинъ сыночекъ!.. приговаривалъ Ю., изрѣдка поправляя, развивая и объясняя „доже грамотнаго“, развращеннаго юнца.

— Гдѣ обучень?...

— Въ пансіонѣ такомъ-то...

— А „загнуть“ умѣешь?...

— Умѣю!...

— Ну-ка...

И мальчикъ сталъ произносить ругательство за ругательствомъ.

Хорошо, молодецъ, далеко пойдешь... — похваливали Ю. и Г. своего „перваго“ ученика.

Г. въ награду за ученость сдѣлалъ П. „апельсинчикъ“, и его отпустили съ миромъ.

— Чортъ его знаетъ этого Ю. какъ это онъ все здорово знаетъ! — восторгался одинъ изъ воспитанниковъ.

— Да, душа моя, не легко это мнѣ далось... — говорилъ, потягиваясь, Ю., — самъ С. - П. обучалъ... У него все это было акуратенько записано; дѣлая наука была, и названіе ей было, ...матикой прозывалась.

Кто то сталъ рассказывать о подвигахъ С.-П., исключеннаго изъ третьяго класса за полную неспособность къ наукамъ и отчаянно скверное поведеніе.

— Пойдемъ, братцы, покуримъ что-ли... предложилъ, вставая, Ю. своимъ товарищамъ.

— Пойдемъ...

И компанія удалилась. Вскорѣ раздался звонокъ.

Вышелъ воспитатель и сталъ кричать: „строиться“.

Ему вторили многие голоса воспитанниковъ.

Минуты черезъ три всѣ выстроились, и насъ повели къ чаю. Послѣ чая, тамъ же въ столовой, прочли молитву и мы направились въ дортуары. Съ третьей лѣстницы всѣ кинулись бѣжать, чтобы успѣть занять койки.

Толкотня была страшная. Кого-то придавили; кто-то упалъ; кто-то плакалъ. Въ дортуарахъ нѣкоторымъ не хватило мѣстъ. Нѣсколькихъ человекъ, изъ воспитанниковъ 4-го младшаго класса, перевели спать въ старшій возрастъ, а ихъ мѣста уступили тѣмъ, кому не хватило.

Почти каждый, точно нарочно, кричалъ какъ можно громче. Общій вопль стоялъ удивительный.

Воспитатель прошелъ раза два по дортуарамъ и и удалился въ учительскую. Большинство воспитанниковъ раздѣлись и бродили въ нижнемъ бѣльѣ. Кое гдѣ собрались кучки и вели оживленную бесѣду.

Помню, меня крайне удивилъ видъ шести коекъ въ маленькой палатѣ. *) Онѣ всѣ стояли подъ рядъ, по одной стѣнѣ. На нихъ не было матрацовъ, и на голыхъ доскахъ лежали тростники. Одѣяла были какого-то подозрительнаго цвѣта. Я спросилъ у одного изъ „старичковъ“, что это за койки и почему на нихъ нѣтъ матрацовъ...

— А вотъ увидишь... Если напустишь себѣ въ постель, сейчасъ туда тебя и переведутъ.

Оказалось, что эти койки приготовлены для больныхъ мальчиковъ, страдающихъ недержаніемъ мочи.

Съ первыхъ же дней эти койки занимались больными и до конца года не пустовали.

Этихъ больныхъ не лѣчили ни чѣмъ, если не призвать койку безъ матраца за оригинальный способъ лѣ-

*) Палатъ въ дортуарѣ было двѣ: маленькая и большая.

ченія. Обстановка больныхъ была отвратительна. Около ихъ коекъ постоянно стояли лужи мочи; сами они спали тоже постоянно мокрые. Простыни и одѣяла почти не просыхали. Отъ одѣялъ несло зловоніемъ. Ихъ мѣняли очень рѣдко. Вообще этотъ уголокъ былъ какой-то отверженный.

Испаренія, поднимавшіяся съ полу, разносили вонь по всей палатѣ. Замѣчу кстати, что въ полутора-аршинномъ разстояніи—(параллельно койкамъ больныхъ)—стояли койки здоровыхъ мальчиковъ. Имъ-то было какво?...

... Часамъ къ десяти воспитанники уgomонились. Многие спали. Часовъ въ 11 пришелъ воспитатель, прошелся по дортуарамъ и улегся спать на свою постель, которая стояла по серединѣ большой палаты.

Отъ всѣхъ впечатлѣній дня мнѣ не спалось.

Жутко спать окруженному двумястами людей. Ночью въ такой спальнѣ начинается особая жизнь. Кто-то храпитъ, откуда-то несется сдавленный свистъ, точно кого-то душатъ. Раздаются возгласы, крики, скрежетъ зубовъ, цѣлый разговоръ, иногда пронесется какой-то дикій хохотъ и сразу все смолкнетъ. Слышно только мѣрное дыханіе сосѣдей, да потрескиваніе и поскрипываніе коекъ при поворотахъ съ бока на бокъ...

Долго не спалось мнѣ въ эту первую ночь, но общее утомленіе взяло свое:—я заснулъ.

Въ половинѣ седьмого утра ожесточенный звонокъ заставилъ меня вскочить, какъ ошпареннаго.

IV.

Сѣрая куртка.

Нѣсколько ниже и подробно остановлюсь на „системѣ наказаній“, примѣнявшейся къ преступникамъ нашего учебнаго заведенія. Но „сѣрая куртка“, примѣненная на моихъ глазахъ черезъ нѣсколько дней по поступленіи въ Институтъ, настолько вѣдалась въ моей памяти и произвела такое сильное впечатлѣ-

ніе на насъ, новичковъ, что я позволяю себѣ остано-
виться на ней въ отдѣльной маленькой главѣ.

Это было утромъ. Воспитатель неожиданно, въ
концѣ репетиціи, обѣжалъ классы съ крикомъ „стро-
иться!“ Мы все были удивлены, но немедленно, по
командѣ, выбѣжали въ залу и черезъ минуту все уже
стояли развернутымъ фронтомъ.

Мы перешептывались другъ съ другомъ, но никто
ничего опредѣленного не зналъ. Раньше до насъ до-
несся слухъ, что въ четвертомъ младшемъ классѣ что-
то случилось и кого-то за что-то исключаютъ.

Черезъ нѣсколько минутъ показалась цѣлая туча
начальства; впереди шель директоръ Костровъ, за
нимъ инспекторъ, старшіе воспитатели и прочее на-
чальство.

Директоръ прошелъ на середину залы.

— Такого-то числа, — приблизительно такъ началъ
Костровъ, — вечеромъ, послѣ того, какъ воспитанники
ушли въ дортуары, было обнаружено, что въ 4 млад-
шемъ классѣ воспитанниками (такими-то) учинено
пьянство. Конференція постановила: такихъ-то исклю-
чить. М. былъ приговоренъ также къ исключенію; во
вниманіе того, что онъ сирота, и сильныхъ просьбъ о
немъ воспитателя такого-то, который и взялъ его на
свои поруки, — конференція постановила сбавить ему
до пяти баллъ изъ поведенія и лишить отпуска на
полгода. С. — постановили исключить; во вниманіе тя-
желой болѣзни его брата, на котораго безъ сомнѣнія
это извѣстіе повліяло бы удручающимъ образомъ и
повредило бы ходу его болѣзни, С. — у поставлено
пять балловъ изъ поведенія, на недѣлю на колѣни къ
образу *), безъ отпуска до Рождества и *сърю куртку*
— до разрѣшенія ее снять.

Директоръ кончилъ; воцарилась сначала гробовая
тишина, а черезъ секунду въ рядахъ воспитанниковъ
4-го младшаго класса пронесся какой-то глухой, по-
давленный рокотъ. Отъ рядовъ отдѣлился этотъ самый

*) Это особое наказаніе, о которомъ будетъ говорено ниже.

злополучный С., по прованію „стаканъ“, и обратился
къ директору.

— Ваше превосходительство, отбѣните куртку;
лучше надбавьте другое что...

— Нѣтъ, пьянствовать умѣлъ, — поноси и куртку,
— рѣзко отвѣтилъ генераль Костровъ.

С., безнадежно склонивъ голову, медленно вошелъ
въ ряды.

Директоръ зашагалъ изъ залы; за нимъ ушло и
все остальное начальство.

Насъ распустили по классамъ.

Исключеннымъ, М. и С. — все, буквально все вос-
питанники, наперерывъ вездѣ высказывали свое со-
чувствіе.

С. былъ грустнѣй другихъ. Онъ слылъ, да и дѣй-
ствительно былъ забубенной головушкой, но такого издѣ-
вательства, видимо, и онъ не ожидалъ, хотя и прошелъ,
за время своего пребыванія въ Институтѣ, все чисти-
лице казеннаго режима и перенесъ все наказанія...

Помню, мы, первоклассники, совершенно растеря-
лись. Какъ же это такъ „сѣрая куртка“ — думалось
намъ? Точно арестантъ; это сравненіе особенно сильно
бросалось всеѣмъ.

Возбужденіе среди воспитанниковъ было громад-
ное. Уроки были забыты, и только и разговаривали,
что объ этомъ случаѣ.

Дѣйствительно, черезъ часъ С. появился въ сѣрой
арестантской курткѣ, въ которой онъ сидѣлъ въ классѣ,
— на урокахъ и репетиціяхъ, — ходилъ вездѣ и вообще
былъ въ ней цѣлый день.

Въ глазахъ воспитанниковъ онъ сильно возвы-
сился, приобрѣтя вѣнецъ пострадавшаго. Съ утренняго
чая до вечерняго, — (чай, завтракъ, обѣдъ, чай), — онъ
стоялъ въ столовой, все въ той же сѣрой курткѣ. у
образа на колѣняхъ...

Вспоминая теперь, — стыдно становится за нашихъ
учителей и воспитателей!... До какого издѣвательства
надъ человѣческой личностью могли доходить они.

С. — у давали хлѣбъ и воду послѣ обѣда и завтрака.

Другими словами, его попросту хотѣли морить голодомъ. Но это желаніе начальства никогда не осуществлялось, такъ какъ всякому, оставленному безъ ѣды, товарищи считали своей святой обязанностью „выносить“ все, что только было возможно. Выносились и пироги, и крупеники, и каша, и котлеты, — смотря что подавали за обѣдомъ или завтракомъ.

Вообще замѣчу, — а въ будущемъ читатель и самъ это увидитъ, — что товарищеское чувство, чувство „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“ — у насъ было развито очень сильно. Да иначе и не могло быть: постоянная, отчаянная борьба съ тираніей начальства объединяла насъ, спланивала и толкала на подвиги самоотверженія. Часто приходилось одному воспитаннику невинно страдать за другого, и въ очень рѣдкихъ случаяхъ выдавался дѣйствительно виновный. Тотъ, кто выдалъ, пользовался общимъ презрѣніемъ, а иногда и преслѣдованіемъ.

Наступило воскресенье. Не ушедшихъ въ отпускъ воспитанниковъ повели въ церковь. С. самовольно надѣлъ мундиръ. Воспитатель какъ то не замѣтилъ этого. Послѣ обѣдни директоръ Костровъ призвалъ С. и спросилъ его.

— Кто вамъ разрѣшилъ снять сѣрую куртку?

С. молчалъ.

— Я васъ спрашиваю: кто вамъ разрѣшилъ снять сѣрую куртку? Почему вы въ церкви были въ мундирѣ?

— Совѣстно... — шопотомъ проговорилъ С., не поднимая глазъ.

Этотъ отвѣтъ видимо подѣйствовалъ и на генерала.

— Ваше превосходительство, позвольте не надѣвать больше куртки!...

— Ну, такъ и быть... Ради праздника разрѣшаю...

И этотъ человекъ, имѣющій власть казнить и миловать, прощать и разрѣшать, прекратилъ пытку С. не ради его самого, а только ради праздника!...

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

9413